

Елена
Логунова

Звезды

ИРОНИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Рука и сердце
Кинг-Конга

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Рука и сердце Кинг-Конга

«ЭКСМО»

2009

Логунова Е. И.

Рука и сердце Кинг-Конга / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2009 — (Индия Кузнецова)

Верный поклонник Инны, известный телеведущий Макс Смеловский, недолго наслаждался новенькой машиной! Ее угнали, несмотря на хитроумное противоугонное средство – шприц со снотворным под сиденьем. Угонщик погиб в аварии, и Макс испугался обвинения в убийстве. Он решил спрятаться и попросился переночевать в офисе Инны. Но среди ночи туда заявила какая-то ненормальная девица и решила повеситься! Узнав об этом, Инна срочно приехала на работу и обнаружила на крыльце здания труп мужчины в нелепом лыжном костюме морковного цвета... Кажется, история с угоном не так проста и шприц Макса тут вовсе ни при чем!

© Логунова Е. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Понедельник	5
Вторник	7
1	7
2	10
Среда	14
1	14
2	16
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Логунова

Рука и сердце Кинг-Конга

Понедельник

Любовь упала на Марьяну, словно сосулька с крыши. Очевидно, на сей раз проказник Амур принял облик усатого дворника, сбивавшего с козырька над подъездом ледяную бахромку.

Меткости, с какой был нанесен роковой удар, позавидовали бы асы точечной бомбардировки: Лиля и Вера Осиповна, шагавшие бок о бок с Марьяной, остались целы и невредимы. Одинокaя хрустальная стрела свистнула с неблагоприятных небес, вонзилась в сердце и там растаяла, вырвавшись наружу горячим паром страстного выдоха:

– О мой бог!

– Где? – завертела головой любопытная Лилия.

– Кто? – более правильно сформулировала вопрос многоопытная Вера Осиповна.

Марьянин остановившийся взор примерз к пешеходу, который шел им навстречу, балансируя на обледеневшем тротуаре, как канатоходец. Проследив направление ее взгляда, Вера Осиповна скривилась:

– Это твой бог?

– Мой бог! – слабым голосом прошелестела Марьяна.

– Весьма так себе! – припечатала очень молодая, слишком красивая и потому чересчур критичная Лилия.

Длинным лицом и особенно вытянутыми ушами новый Марьянин бог сильно походил на идола с острова Пасхи и будил подсознательную надежду на каменную крепость всех его членов, что бы за этим словом ни стояло. И руки у него тоже были длинные – их вполне хватило бы, чтобы обнять большую женщину. Марьяна предпочитала называть себя большой, а не толстой. Несмотря на то что объем ее талии после серии праздничных застолий вплотную приблизился к метру, заметно более пышные бедра и бюст все еще позволяли обнаружить местонахождение жаждущей объятий талии без оптических приборов.

Всплеснув руками, точно чайка крыльями, длиннорукое божество скользнуло между расступившимися дамами и обдало застывшую Марьяну теплым ветром и вкусным запахом дорогого парфюма. Мучительно хрустнув окаменевшей шеей, жертва внезапной любви вывернула голову и проследила, как ее кумир поднимается по ступенькам офисного здания, куда они только что ходили на обед в столовую института Гипрогипредбед. Чем занимаются работники этого научного учреждения, Марьяна и ее коллеги не знали, но, судя по обширному меню и невысокой стоимости блюд, предполагали, что делами первостепенной государственной важности.

Марьяна подумала, что предмет ее внезапной страсти может оказаться гениальным ученым (это объяснило бы его отсутствующий вид), еще больше взволновалась, и только что съеденный жареный судачок кувыркнулся в ее желудке, как живой. Но тут Лилия сказала:

– Я уже видела этого парня у девчонок в рекламном агентстве на втором этаже.

Интонацией она выразила сильную неприязнь к упомянутым особам. Скорее всего это означало, что рекламные девчонки тоже молоды и хороши собой, каковые качества красавица Лилия в других дамах почитала большим недостатком, если вообще не смертным грехом.

В другой ситуации Марьяна могла бы расстроиться. Она не слишком верила в свои женские чары и не решалась вступать в прямую конкурентную борьбу с писаными красавицами.

Но в данном случае дело обстояло иначе – любовь, оглушившая Марьяну, выбила предохранитель, лишив ее способности трезво оценивать свои силы, шансы и перспективы.

– На втором этаже, говоришь? – повторила Марьяна, сузившимися глазами созерцая опустевшее крыльцо.

Она определенно чувствовала, что большой женщине не составит труда утащить любимого со второго этажа даже в случае, если он окажется не только длинномерным, но и тяжелым, как каменный идол с острова Пасхи.

Вторник

1

– Ну? Все собрались?

Популярный телеведущий новостных и культурных программ Максим Смеловский окинул коллег, набившихся в студию прямого эфира, блестящим взглядом фокусника, звонко хлопнул в ладоши и скомандовал оператору Сане:

– Алле-гоп! Занавес!

– Гоп-алле, – невозмутимо отозвался тот и дернул за веревочку, привязанную к верхнему углу плотной плюшевой занавески, – она наглухо закрывала ненужное в студии окно по типу венецианской шторы.

Веревочка, крякнув, оборвалась. Смеловский, крякнув, выругался. Студийный люд захихикал. Народные чаяния оправдывались, обещанное шоу начиналось не скучно. Только неисправимый пессимист видеоинженер Воронин пробормотал:

– Не к добру... Зря ты это затеял, Максимка...

– Айн момент! – помахав в воздухе ладошками, успокоил собравшихся Смеловский. – Небольшая техническая неполадочка!

Он боком подскочил к оператору, сохраняющему абсолютное спокойствие соляного столпа, и бешеным шепотом рявкнул ему в ухо:

– Поднимай!

– Как? – Саня показал разъяренному Максиму веревочку, похожую на хвост, потерянный Осликом Иа, и меланхолично пожал плечами:

– Теперь либо вручную закатывать, либо все на фиг оторвать!

Смеловский быстро прикинул варианты и выбрал наиболее эффектный:

– Отрывай! На раз-два-три!

– Ой зря! – зловеще каркнул Воронин, но его быстро затолкали в угол, чтобы не мешал.

– Раз! – сказал Саня, наматывая на кулак край обреченной занавески. – Два!

Он резко дернул, и плюшевый парус послушно обрушился, увлекая за собой прочный деревянный карниз и корявые куски штукатурки. Студийный народ зашумел и попятился от пыльного облака, красиво оформившегося в компактный ядерный гриб.

– Три... – машинально досчитал разрушитель.

– Да уж, три теперь, мой – мало не покажется! – заворчала уборщица баба Клава, энергично пробираясь из последнего ряда в первый со шваброй на изготовку.

– А я говорил! – глухо пробасил Воронин из своего угла.

– Айн моментик! – повторил Смеловский, упорно не желающий понять, что мироздание не расположено поощрять его похвальбу. – Небольшой спецэффектик...

Он вырвал из рук дикторши Наденьки папочку с дежурным текстом и замахал ею в воздухе, устроив небольшую пыльную бурю.

– Да разве это спецэффект? – фыркнул бутафор Витя. – Взял бы у меня пару дымовых шашек, вот это был бы спецэффект!

– А что это у нас тут происходит? – визгливым голосом злой феи, не получившей приглашения на праздник, спросил из-за спин присутствующих главный редактор телекомпании Бусинов. – Что это вы все тут делаете? До нашего вечернего эфира еще полчаса!

– Накрылся наш вечерний эфир, – сокрушенно пробормотал осветитель Артур, выразительно поглядев на окно, которое, наоборот, открылось, да так широко и свободно, что о вождественном балансе теплого и холодного света не приходилось и мечтать.

Студийный люд, обманутый в лучших ожиданиях, с тихим ропотом потек к выходу.

– Господа, господа! – зашумел Смеловский, с упорством идиота цепляясь за рукава и штанины уходящих. – Вы же так и не увидели самого главного!

– Я у нас самый главный, Смеловский! – возмущенно взвизгнул злой фей Бусинов. – И я требую объяснить мне, что тут происходит!

– Да ничего особенного, Игорь Владимирович! – потупился злодей-оператор, ковыряя носком упавший шмат штукатурки.

– Как это – ничего особенного?! – громче всех заорал разобиженный Смеловский. – Я новую машину купил, а вам это – ничего особенного?!

Народ, изумленно ахнув, потек вспять.

– И где? И что?

– Так вот же! – Раскрасневшийся Смеловский махнул на окно жестом дирижера, призывающего вернуться к жизни затихший было оркестр. – Вот она!

За тающей завесой пыли, за мокрым стеклом окна, за тусклыми просверками сырых снежинок сияла молочной глазурью чистого и непорочного кузова новехонькая иномарка, с ювелирной точностью припаркованная в круге света от установленного на крыше здания прожектора.

– «Ауди А-6»! – с нежностью сказал счастливый автовладелец.

– Ох ты!

– Эх ма!

– Ой бли-ин!

Реплики слились в протяжный хоровой стон.

– А что такое? – нахмурился Смеловский, встревоженный такой реакцией публики.

– Максик! – жалостливо позвала дикторша Наденька. – А ты разве наши новости не смотришь?

– Сапожник без сапог! – вздохнул бутафор Витя.

– А я говорил! – снова каркнул невыносимый Воронов.

– Дай-ка! – Наденька мягко забрала у Макса свою папочку, открыла ее, откашлялась и красивым голосом с выражением прочитала: – Вчера на брифинге в ГУВД Краснодарского края руководитель службы ГИБДД назвал топ-десятку наиболее часто угоняемых автомобилей. В списке с большим отрывом лидирует «Ауди А» шестой серии, белого цвета, стандартной комплектации. По данным ГИБДД, только с начала текущего года в крае пропало восемь таких машин, и лишь одна из них была найдена и возвращена законному владельцу...

– Мать их так... – побелевшими губами выругался Смеловский.

– Да не расстраивайся ты раньше времени, Макс! – Оператор Саня размашисто хлопнул товарища по плечу. – Слышал же – одну нашли и вернули! Может, и твою тоже вернут!

– Мать их! – с большим чувством повторил культурный телеведущий.

Он пнул ближайший штукатурный метеорит и выбежал вон из студии в полной невысказанного соболезнования трагической тишине.

– Эй! А обмыть покупку? – с претензией запоздало спросил в захлопнувшуюся дверь бутафор Витя.

– Так накрыто уже в редакторской! – засуетился оператор Саня.

Обмывали покупку поначалу тихо, уважая чувства заметно расстроенного Смеловского, но постепенно разошлись, зашумели и где-то через час надолго остановились на теме профессиональной и самостийной борьбы с автомобильными угонами.

– Фигня эта твоя спутниковая поисковая система! – с жестокой прямоотой сказал Макс неизменно пессимистичный видеоинженер Воронин. – Ты знаешь про белые пятна на карте? Нет? А про всевозможные методы глушения? Тоже нет? Ну конечно! В автосалоне тебе об этом не рассказали!

Выразительно гримасничая и многозначительно хмыкая, он осушил рюмку и хлопнул Смеловского по уныло опущенному плечу:

– На спутник надейся, а сам не плошай! Советую тебе поставить иммобилайзер. Лучше всего – укомплектованный цифровым кодированным реле блокировки.

– Да дерьмо этот твой иммобилайзер, хоть с реле, хоть без него! – авторитетно заявил бутафор Витя, в очередной раз наполняя стопки. – Знаешь, сколько будет стоить восстановление салона поврежденной «Ауди А-6»?

– Замена замка зажигания, личинок дверных замков по кругу, панелей торпеды? Около 600 у.е.! – со знанием дела подсчитал Воронин.

Владелец новой, еще не поврежденной «Ауди А-6» издал протяжный стон.

– Знаешь, Макс, лучше всего работают простые механические средства, – задушевно посоветовал ему бутафор. – Ключики на педали и рули, усиленные замки...

– Капканы на медведя! – услужливо подсказал оператор Саня. – Дешево и сердито!

– Мальчики, мальчики! Хотите, я вам про своего дедушку расскажу? – неожиданно оживилась дикторша Наденька.

– Не очень, – после недоуменной паузы ответил Смеловский. – Где моя машина, а где твой дедушка?

– Дедушка мой уже на том свете, царство ему небесное, – аккуратно перекрестившись, вздохнула Наденька. – Но он почти тридцать лет ездил на своей машине, которую частенько оставлял ночевать на улице, и ни разу ее у него не угнали! А ведь на дедушкиной «Волге» даже сигнализации не было!

– А что было? – заинтересовался Смеловский.

– Было собственное дедушкино изобретение – такая система из блочков и веревочек с закрепленной на них косой! – объяснила Наташа, неопределенно поведив в воздухе руками. – Пока она висит, ее не видно, а если неосторожно тронуть педали, коса сразу же р-р-раз вниз! И угонщику уже только одно интересно – как бы ноги из машины унести, да не в разобранном виде!

– Что-то типа гильотины? – быстро сообразил технически грамотный видеоинженер. – Серьезная вещь!

Он выдернул из стакана на соседнем столе карандаш и зачеркал на салфетке, набрасывая схему. Автовладелец Смеловский с большим интересом смотрел на чертежик.

– Старики – мудрые люди! – уважительно сказал оператор, чокнувшись с бородатым и явно немолодым мужиком, нарисованным на бутылке водки «Распутинка». – Взять, к примеру, моего тестя. Он бывший хирург и «жигуль» свой защитил от угона вполне профессионально.

– Пристроил над водительским сиденьем систему скальпелей? – предположил азартный видеоинженер, придвигая к себе чистую салфетку для рисования новой схемки.

– Почти. – Саня кивнул. – Он в щели между сиденьем и спинкой кресла шприц со снотворным прячет! Я поначалу об этом не знал и как-то сел за руль без спросу...

– Ну и? – заблестел глазами воспрянувший Смеловский.

– Ну и дрых потом, как Спящая красавица! – Хмыкнул оператор. – Хорошо хоть, поехать не успел! Тестя дозу грамотно рассчитал – на слона!

– Дай-ка! – Макс забрал у видеоинженера карандаш и вместе с чистой салфеткой передал его оператору. – Тестеву схему со шприцем помнишь? Ну-ка, нарисуй...

2

– Индия!

Крик шефа разорвал тишину, как революционный матрос – тельняшку: резко и с вызовом.

– А теперь на «Я»? Япония! – без заминки отозвался Полонский.

– Ямайка! – азартно продолжил Баринов. – Кто на «А»?

Обормоты явно подумали, что им предложили новую интеллектуальную игру.

– Апофигей! – вздохнула секретарша, всем своим видом показывая, что она возмущена поведением Полонского и Баринова не меньше, чем шеф.

– Нет такой страны на карте! – радостно уличил Катерину нечувствительный к укорам Полонский.

– Кстати, о картах! Может, перекинемся в преферанс? – Баринов оживленно завозился и столкнул с подоконника цветочный горшок.

Кактус, единственный из присутствующих, положительно отозвался на предложение перекинуться и со всего маху влип колючками в новый лохматый палас.

– Боже! – взвизгнула Катерина, отвечающая и за озеленение, и за санитарное состояние нашего офиса.

В голосе ее было столько негодования, что на месте господы я бы за одну интонацию приговорила нашу секретаршу к вечной ссылке в адское пекло. Впрочем, можно было ожидать, что Катерина прекрасно приживется и там. Будет верой и правдой служить сатане, которому наверняка понравится ее нечеловечески крепкий черный кофе.

– Индия! – повторно взревел наш местный повелитель темных и светлых творческих сил.

– А при чем тут Индия? – шепотом огрызнулась я.

Это Сашка Баринов, а вовсе не я, сел толстым задом на подоконник, вытеснив с него кактус, находившийся там (в отличие от Сашки) на вполне законных основаниях. И это не я, а Всеволод Полонский забросил ноги в щегольских башмаках из крокодила на мой рабочий стол, где уже негде было упасть даже главному яблоку аллигатора. Я только сегодня получила из переплетной мастерской восемь томов пресс-клипинга – наш годовой отчет по пиар-компании линейки шоколадных сувениров для взрослых «Чернушка-порнушка»! От того, насколько впечатлит заказчика этот художественно оформленный отчет, зависело, как скоро и в каком объеме получит гонорар наше агентство в целом и я в частности. На лакированную обложку с тисненым изображением одного из наиболее интересных и сложных воплощений Камасутры в шоколаде возложил свои крокодильи ноги безответственный Всеволод Полонский!

– Кузнецова! – гаркнул Бронич. – Это что за бардак?!

– Говорили же тебе – сверни зеркало! – сердитым шепотом упрекнула я Катю.

– А он бы мне за это шею свернул! – так же тихо огрызнулась она.

Полонский, с запозданием уловив растущую наэлектризованность внутриофисной атмосферы, слегка притушил радостную улыбку. Им с Бариновым было не понять смысла нашего с Катей диалога. Они еще ничего не знали про стул.

Суперсовременный, многофункциональный, как кухонный комбайн, офисный стул Броничу только вчера подарил благодарный клиент из фирмы «Кресло века».

Вот, кстати, на мой взгляд, образец на редкость идиотского названия! Что это вообще такое – кресло века? С учетом неясного временного периода, данное определение подошло бы и царскому престолу Иоанна Грозного, и электрическому стулу, и современному призеру народных симпатий – фаянсовому унитазу! И уж лучше бы благодарный директор «Кресла века» действительно подарил Броничу что-нибудь этакое. Потому что его начальственное рабочее место с термopодогревом, массажером, встроенными CD-проигрывателем, телевизио-

ром, телефоном, коммуникатором, кондиционером, вентилятором, озонатором, ароматизатором, мини-баром и пепельницей, с перископом и на гусеничном ходу – обещало стать кошмарным сном всего нашего трудового коллектива! Я чувствовала, что с момента, как в кабинете Бронича поселился этот гибрид Терминатора и Емелиной печки, нашей безмятежной офисной жизни пришел конец. Вот и сейчас Бронич, очевидно, прямо из своего тронного зала углядел непотребства Полонского и Барина с помощью системы зеркал задне-бокового вида.

– Ненавижу этот стул! – беззвучно выругалась я.

– Пересаживайся сюда, я подвинусь! – Толстокожий Барин с готовностью протер своим вельветовым задом подоконник, безжалостно затолкав в угол последний уцелевший кактус.

– Инна говорит про стул Михаила Брониславича, – шепотом объяснила Катерина.

– А у него плохой стул? – Барин сочувственно сморщился, но неискренняя страдальческая гримаса тут же соскользнула с его лоснящейся круглой физиономии. – А вы знаете, это чувствуется! То-то, я смотрю, он какой-то нервный!

– Блажен, кто рано поутру имеет стул без принужденья! – с выражением процитировал Пушкина начитанный Полонский. – Тому и пища по нутру, и все доступны наслажденья!

Он игриво подмигнул одним глазом мне, а другим – Катерине, и я с трудом удержалась от того, чтобы подарить себе вполне доступное наслаждение огреть интеллектуала самым толстым томом шоколадно-эротического пресс-клипинга.

В начальственном кабинете зажужжал электрический моторчик. Я налегла животом на стол, вытянула ухо в сторону двери и, оценив скорость нарастания звука, спешно шикнула:

– Живо, ноги!

Реплика имела целью депортировать с моего стола преступно залежавшиеся там башмаки Всеволода, но Полонский этого не понял и даже не шелохнулся. Зато Барин неожиданно продемонстрировал отличную реакцию и вздернул свои короткие толстые ножки, точно пляшущая марионетка. В результате, когда Бронич в самоходном кресле XXI века величественно вырлил из своего кабинета на простор общей комнаты, Сашка застыл на подоконнике в позе горгульи – на редкость упитанной и бескрылой. В сочетании со скульптурной группой, которую образовали на постаменте моего стола мы с Полонским, это, безусловно, сильно компрометировало предполагаемую деловую беседу.

– Тэк-с, – сухо щелкнул шеф, окинув сомнительную диспозицию пронзительным взором из-под кустистых бровей. – Это вы так работаете?

– Мы еще и не так! – нарочито бодро заявила я, метким ударом локтя в щиколотку сбрасывая сплетенные нижние конечности Полонского с отчета об успешном продвижении в половозрелые массы россиян сладких плодов разврата.

Крокодильи башмаки бухнулись на пол с таким грохотом, что невинно убиенный кактус мог считать себя отмщенным.

– Инночка, Катенька, если через десять минут я не увижу концепцию, всех уволю! – нарочито ласково сообщил шеф и укатил к себе в тронный зал.

– Меня-то за что?! – возмутилась Катерина.

– За компанию, – предположил Полонский, массируя голеностоп.

– А и в самом деле, девочки! Не пойти ли нам всем вместе куда-нибудь, чего-нибудь выпить? – встрепенулся Барин.

Он опустил ноги на пол, задумчиво посмотрел на помятый кактус и спросил:

– Вы любите текилу?

– Через девять минут Михаил Брониславич ждет концепцию! – напомнила Катерина, уклонившись от ответа на прямой вопрос.

Текилу она не любит. Текилу люблю я. Однако правильное распитие кактусовой водки, на мой взгляд, подразумевает в качестве собутельника темпераментного мачо, а не пару чокнутых креативщиков, относительно которых сам господь бог затруднится с уверенностью сказать,

какого они пола. Наш brutальный дизайнер Андрюха Сушкин, едва увидев Сашку Баринова и Севу Полонского, объявил, что Бронич взял на работу пару педиков, и это, мол, непровержимо доказывает: агентство «МБС» идет в ногу со временем и в смысле кадровой политики ничем не уступает признанным лидерам рекламного бизнеса.

Действительно, толстый Баринов с мелкими рыжими кудрями, подозрительно напоминающими химическую завивку, в уютных вельветовых штанах и пуловере с вырезом «лодочка» очень походит на тщетно молодящуюся бабушку. А у богемного Полонского уж слишком ухоженные руки – со свежим маникюром и затейливыми серебряными кольцами на девяти пальцах из десяти. Безымянный был демонстративно гол – полагаю, Всеволод стремится показать потенциальным подругам (или друзьям?), что он свободен от брачных уз.

– Восемь минут! – нервно напомнила Катька.

– Ладно, что там у нас? – Я плюхнулась на стул, обхватила голову руками и приготовилась к мозговому штурму.

Оценив мой бестрепетный командный тон, чуткий Баринов спрыгнул с подоконника, вытянулся во фрунт и бойко доложил:

– Водка «Екатериновка»!

– Что с ней не так?

– Новая марка, нуждается в раскрутке, а так все с ней нормально, водка как водка! Да вот, сама попробуй! – Сашка засуетился, повернулся ко мне спиной и деловито зазвенел стеклом.

Только теперь я поняла, что на подоконнике он угнезвился не просто так, а с конкретной целью закрыть своим крупным телом неуставной натюрморт.

– Семь минут, – закрывая глаза, прошептала Катерина.

– Сформулируйте задачу конкретно! – потребовала я, тоже начиная нервничать.

С Бронича и в самом деле станется в гневе уволить меня без выходного пособия. Потому что шеф сам будет умолять вернуться, так как редкий новый сотрудник, взятый на мое место, доживет до середины испытательного срока, но запоздалое торжество не компенсирует мне потерю денежного содержания и моральное увечье. Поэтому я бы предпочла не доводить наши с Броничем давние трудовые отношения до безвременного разрыва.

– Задача такая! – В беседу включился Полонский. – Дано: шесть ящиков водки «Екатериновка»...

– Пять, – застенчиво поправил Баринов, с аптекарской точностью наполняя рюмки.

– Дано: пять ящиков водки, – Всеволод благосклонно принял и поправку, и стопку. – Требуется: без существенных дополнительных затрат организовать эффектную и эффективную рекламную акцию нового продукта.

– Таковую же эффектную и эффективную, как библейское кормление толпы голодных семью хлебами? – съязвила я. – И когда же нужно совершить это чудо?

– Осталось шесть минут, – не открывая глаз, безнадежно прошептала Катька, окончательно потерявшая чувство юмора.

– Ну, не так скоро! – Баринов фамильярно похлопал секретаршу по коленке. – Не через шесть минут, а только завтра.

– А что у нас завтра?

Баринов впился взглядом в календарь, Полонский поднес к глазам дорогие наручные часы, а я вдохновенно пробежалась пальчиками по клавиатуре компьютера – и, разумеется, преуспела больше всех.

– Шестнадцатое число, – сказал Всеволод.

– Среда, – сообщил Сашка.

– Шестнадцать ноль три! – прочитала я с экрана. – Смотрим праздники. Так, шестнадцатое марта знаменует закрытие парламентского года в Нидерландах, это нам не годится... Еще шестнадцатое марта – это День независимости Гватемалы...

Все не сговариваясь посмотрели на поруганный кактус, и Полонский вздохнул:

– Жаль, что мы не текилу пиарим...

– Вот! – торжествуя вскричала я и постучала ногтем по монитору. – Вот именно то, что нам нужно!

– В 1994 году Генеральная Ассамблея провозгласила 16 марта Международным днем охраны озонового слоя. День установлен в память о подписании Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, – перегнувшись через мое плечо, зачастил Баринов.

– А что его разрушает? – встревожилась ответственная Катерина.

– Твой лак для волос! – уязвил ее вредный Полонский.

– Тихо! – гаркнул на них Баринов, увлеченный чтением. – В 1987 году 36 стран, в том числе и Россия, подписали документ, согласно которому страны-участники должны ограничить и полностью прекратить производство озоноразрушающих веществ. Государствам предлагалось посвятить этот день пропаганде деятельности в соответствии с задачами и целями, изложенными в Монреальском протоколе и поправках к нему...

– Автомобили! – улыбаясь, вкрадчиво сказала я.

– Ну? – Полонский посмотрел на меня, потом на рюмку в своей руке, секунду подумал и тоже расцвел улыбкой. – Ты предлагаешь...

Я глубоко кивнула.

– Кузнецова, ты гений! – сказал Баринов.

Он только с виду идиот, а соображает отлично.

– Отличная концепция, за это надо выпить!

– Да какая концепция-то?! – не выдержала неизвестности истомленная Катька.

– Очень свежая! – заверила ее я.

– Но сырая! – веско напомнил Всеволод.

Он тоже ловит мысли на лету.

– Осталось всего пять минут! – взвизгнула секретарша.

– Пять минут, время пошло! Ну, поехали! – скомандовал Баринов и звонко тюкнул своей рюмкой о мою.

Среда

1

Без одной минуты девять на стеклянной двери банка еще висела табличка «закрыто». Засмотревшись на нее, Юнус не заметил, что сосед по столику поставил свой стаканчик рядом с его тарелкой, а себе взял кофе Юнуса.

– Еще кофейку? – кокетливо спросила румяная буфетчица в старомодной кружевной наколке на взбитых кудрях и белом фартуке с рюшечками поверх сатинового брючного костюма, какие носят на работе оперирующие хирурги.

Взгляд у женщины был теплый, сладкий и масляный, как пончики, которых Юнус съел уже пять штук, выпив при этом два стаканчика кофе. Кофе, кстати, в этой забегаловке был совсем не вкусный. Наверное, не стоило наливать его в пластмассовые стаканчики, но другой посуды, кроме одноразовой, в заведении не имелось. Забегаловка – она и есть забегаловка! Правда, и цены здесь несерьезные, так что даже в ранний час отбою нет от желающих позавтракать на скорую руку.

То ли от сладкой выпечки, то ли от волнения Юнуса слегка подташнивало. У него был кое-какой опыт угонов, но на сей раз он фактически грабил банк, а такое серьезное дело было ему внове.

Минутная стрелка на часах застыла за несколько делений до нужной отметки, словно примерзла к циферблату. Юнус потряс рукой, оживляя часы. Не могла она примерзнуть! Он же не торчал на уличном холоде, а ждал намеченного часа в теплой булочной, поедая чертovsky пончики, лакая скверный кофе и мозоля глаза приставучей буфетчице.

– Глаза сломаешь! – злобно прошептал Юнус в пышную спину общительной дамы.

Ему совсем не хотелось, чтобы потом, когда менты и банковская охрана начнут разбор полета, эта толстуха дала слишком подробное описание его внешности. Хотя, если она запомнит только ухоженные рыжие усы, дымчатые очки, каракулевую шляпу-пирожок, долгополое кашемировое пальто и солидный кожаный портфель, это будет даже хорошо. Ни один из перечисленных элементов не являлся обязательной составляющей обычного имиджа Юнуса.

Приемник на стойке буфета разразился серией сигналов, которые во времена СССР сопровождался переводом: «Московское время – девять часов!» Сквозь грязноватое стекло витрины Юнус посмотрел на двери банка на другой стороне улицы, взял бумажную салфетку и осторожно промокнул губы под приклеенными усами. Банк должен был открыться в девять – и открылся. Юнус подождал еще несколько минут, чтобы не оказаться первым посетителем, выдвинулся из булочной и деловито вошел в банк следом за расфуфыренной дамой и молодой парой, явно торопящейся по каким-то неотложным кредитным делам. Охранник на входе включился в разговор с молодыми людьми и лишь кивнул солидному усатому гражданину, который уверенным шагом проследовал мимо со словами: «Обменник работает?»

Обменник находился в глубине здания, в глухом аппендиксе за поворотом коридора. Расфуфыренная дама тоже устремилась туда. Юнус пропустил ее вперед и, скрывшись от глаз охранника за углом, повернул в другую сторону. Толкнув дверь на лестницу, он спустился на один пролет и, оказавшись на техническом этаже, вышел во внутренний двор. Просторный, без затей оформленный под бетонный армейский плац, он был плотно заставлен машинами, лишь небольшая часть которых принадлежала сотрудникам банка. В центральной части города было традиционно плохо с местами для парковки, и предприимчивый банк получал весьма неплохую прибыль, используя свой двор как платную автостоянку.

Проходя вдоль стены под прикрытием заснеженных кустиков, Юнус с удовольствием отметил, что ворота сдвинуты в сторону и под косою балкой приподнятого шлагбаума со двора одна за другой выскальзывают легковушки арендаторов стояночных мест. Вереница автомобилей, нацеленных на выезд, была еще достаточно длинной, чтобы охранник в будке не мог заметить, с какой именно точки двора подкатила последняя машина, присоединившаяся к гирлянде. Юнуса это полностью устраивало. «Его» машина стояла в дальнем углу плаца – в одном ряду с другими транспортными средствами, принятыми банком в качестве обеспечения денежной ссуды.

Сам угон, как и планировалось, оказался пустяковым делом. Во-первых, сигнализация была отключена, во-вторых, у Юнуса был ключ – не родной заводской, но очень точная отсканированная болванка. Результат соответствовал расчетному: прошло не больше четырех минут после того, как солидный усатый гражданин в кашемировом пальто вошел в банк, до момента, когда «его» машина заняла место в хвосте быстро двигающейся очереди на выезд. Юнус мог бы справиться еще быстрее, но почти минута у него ушла на то, чтобы поместить на крышу автомобиля «мигалку», под лобовое стекло – гербовую бумагу с большими буквами «ГУВД», а на полочку за задним сиденьем – милицейскую фуражку.

Небрежно забросив назад заметно похудевший портфель, пальто и мечту профессора – каракулевую шапку-пирожок, Юнус сел за руль и приступил к наиболее опасной части операции – собственно угону.

– Ты ничем не рискуешь! – уверял его сообщник, придумавший весь план. – Тачку поставят на прикол во вторник вечером, незадолго до закрытия банка. Ты придешь за ней в среду утром, едва банк откроется. В девять часов! А охрана дежурит сутки через двое, и тех парней, которые сидели в будке накануне, в восемь тридцать сменят другие. «Твою» тачку они еще не видели, так что, если машину слегка замаскировать, ее выпустят беспрепятственно.

Идея использовать выразительные милицейские аксессуары оказалась гениальной. Юнуса не просто не стали останавливать – охранник даже взял под козырек!

Сверкающая новая «Ауди А-6» проскользнула под полосатой рамкой шлагбаума, точь-в-точь как хоккейная шайба. Только белого цвета.

2

– Это просто Великое Обледенение какое-то! – весело изумлялись за утренним чаем коллеги Марьяны.

Бухгалтерские дела были отложены в сторону. Дамы прихлебывали горячий чаек, заедали его печеньем и наперебой рассказывали о своих недавних приключениях.

Заведующая отделом поутру неосмотрительно облачилась в не по сезону короткую юбку. И, хотя бобровый полушубок и сапоги на меху погоде более или менее соответствовали, они не уберегли бы пятую точку начальницы от множества неприятных ощущений при вынужденной посадке в незамерзшую лужу. На счастье опасно поскользнувшейся заведующей, какой-то добрый человек мужского пола успел вовремя подставить руку помощи под ее ягодицы, чем и спас их от купания в ледяной воде.

Юная красавица Лилечка в избытке насладились мужским вниманием у светофора на пешеходном переходе, по которому она на своих пятнадцатисантиметровых шпильках ковыляла так медленно, что один из водителей не выдержал, посадил бедняжку в свою машину и совершенно бесплатно привез на работу.

Даже молодой бабушке Вере Осиповне выпал шанс проявить игривость! Упав в мокрый снег, она запачкала юбку, и какой-то кокетливый старец любезно потянулся ее отряхнуть.

В связи со всем вышеизложенным раскрасневшиеся бухгалтерши, проказливо хихикая, постановили писать наступившее «обледенение» с буквой «я» в середине – как производное от известного неприличного слова.

Марьяна вполуха слушала разговоры коллег и уныло помалкивала. В ее жизни ледниковый период тоже наступил, но выглядел совсем иначе – далеко не так весело и увлекательно. Любовь-сосулька натворила дел! Обледеневший мир для Марьяны сузился до размеров проруби, по форме и величине совпадающей с фоторамкой десять на пятнадцать сантиметров. В этой рамке, установленной на прикроватной тумбочке под углом, позволяющим увидеть ее сразу по пробуждении, помещался любительский снимок Марьяниного нового божества. Эту оригинальную иконку влюбленная женщина смастерила сама, запечатлев кумира на камеру мобильного телефона из окна второго этажа в сумрачный денек, ознаменовавшийся поздним снегопадом. Толком разглядеть припорошенную снегом фигуру на снимке не представлялось возможным, что и сподвигло Марьянину матушку, бывшую учительницу русского языка, при первом взгляде на дочкино фотохудожество с чувством продекламировать:

– Белая береза под моим окном принакрылась снегом, словно серебром!

– Какая береза, мамусь! Это же мужчина! – досадливо возразила Марьяна, умудрившись произнести последнее слово так, словно оно состояло из одних заглавных букв.

– Клен ты мой опавший, клен заледенелый! – Мамусь легко поменяла цитату.

По сути она оказалась абсолютно права. Новый бог проявлял к влюбленной в него Марьяне такое равнодушие, словно он и в самом деле был деревянным и примороженным. И это при том, что за два дня пылкая неофитка, проявив чудеса изобретательности и предприимчивости, сумела встретиться с объектом своего поклонения не менее десяти раз, заодно узнав немало интересных подробностей текущей земной жизни неотзывчивого божества.

Кумир носил роскошное имя Всеволод Полонский и состоял в рекламном агентстве с менее красивым трехбуквенным названием «МБС» в загадочной, но интригующей должности креатора. Судя по отсутствию кольца на безымянном пальце правой руки, живой бог был свободен от супружеских уз, и Марьяна с наслаждением и замиранием трепетного сердца примерила на себя его божественную фамилию. «Марьяна Полонская» звучало шикарно! Гораздо мелодичнее, чем записанное в паспорте «Марьяна Горбачева». К сожалению, этими музыкальными тонкостями разница между фантазиями и реальностью не исчерпывалась. Растревожен-

ное воображение Марьяны широкими мазками в ярких красках рисовало сказочные картинки на тему «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». В действительности Прекрасный Принц неотступно преследующую его Марьяну сначала не замечал, а потом даже начал обходить стороной.

Влюбленной женщине оставалось утешать себя тем, что стадию полного безразличия Объекта удалось пройти в рекордные сроки – меньше чем за сутки. Одна утренняя встреча на крыльце, два «случайных» столкновения в коридоре офисного здания, артистично исполненная миниатюра «Вы позволите, я присяду за ваш столик?» в обеденный перерыв в столовой, три мимолетных, но страстных взгляда в приоткрытую дверь рекламного агентства во второй половине дня и виртуозное падение на зазевавшегося кавалера со ступенек бухгалтерии лиловым морозным вечером – и обольстительный Всеволод Полонский начал нервно оглядываться по сторонам даже в уединении мужского туалета. Марьяна определенно чувствовала, что кумир уже выведен из равновесия и колеблется, как созревший для падения Родосский Колосс. Запланированная неотступной Марьяной на обеденное время вторая мизансцена с условным названием «Приятного аппетита, любимый!» вполне могла подрубить глиняные колени колосса, обрушив его в широко раскрытые объятия идолопоклонницы.

К великому разочарованию Марьяны, в столовой Полонский не появился. Тщетно прождав его в засаде за кассой около часа, влюбленная женщина осмелилась навести справки в «МБС» и узнала, что штатный креатор агентства в компании трех других сотрудников занят проведением ответственной рекламной акции на центральной улице города.

– Пойду прогуляюсь, погода сегодня такая чудесная! – скороговоркой сообщила своим собственным коллегам Марьяна, на бегу напяливая удобное и практичное болоньевое пальто с капюшоном.

За окном месяц март не на жизнь, а на смерть воевал с оккупировавшей город зимой, так что назвать погоду чудесной мог только человек с большим и нездоровым воображением.

Зато стеклянно-оловянный грохот, с которым рухнула на подоконник тяжелая гирлянда мокрых сосул, милосердно не позволил убегающей Марьяне услышать ехидной реплики бухгалтерш про Великое Обледенение с посторонней буквой в корне слова.

3

Свеженапечатанный плакат с зазывной надписью «Водка для всех! Даром!» сильно вонял типографской краской, и я расчихалась.

– Будь здорова! – тут же пожелал мне вежливый Полонский.

– Как корова! – добавил неинтеллигентный Баринов и посмотрел на мои ноги с таким намеком, что мне захотелось сдернуть с них зимнюю обувь и крепко побить ею грубияна, чтобы он понял: средневековых инквизиторов, придумавших пытку «испанский сапог», я запросто могу переплюнуть!

Вообще-то мои ноги совершенно не похожи на конечности крупного рогатого скота. У меня такие ноги – о-го-го! Длинные, стройные, весьма красивые, особенно если я на каблуках. А каблук я уважаю высокие, но устойчивые, чтобы не шататься, как неловкий канатоходец. И, зная, какая обувь мне подходит наилучшим образом, никогда не экспериментирую с моделями. Туфли, которые я купила на прошлой неделе, практически не отличаются от приобретенных к Новому году, только они новые и потому не так комфортны. Поэтому я принесла их на работу и там потихоньку разношью, периодически переобуваясь в старую пару, чтобы не мучать свои выдающиеся ноги.

Этим утром я пришла на работу раньше обычного и, помимо задержавшегося с ночи Андрюхи, застала в офисе уборщицу. Она стояла, согнувшись, точно жертва радикулита, и в глубокой задумчивости смотрела под мой рабочий стол – на аккуратную шеренгу из четырех одинаковых туфель.

– Доброе утро! – вежливо сказала я.

Уборщица молча посмотрела на меня, на туфли, потом снова на меня. Оценив выражение ее лица, я поняла, что в воображении труженицы ведра и швабры уже сформировался живописный образ четвероногой хозяйки рабочего места, и не удержалась от шуточки – подошла поближе и вежливо спросила:

– Вы уже почистили мое стойло?

Уборщица смутилась, а Эндрю Сушкин зашелся смехом и позже с удовольствием рассказал эту историю всем нашим коллегам. Они смеялись, и я поначалу тоже, но теперь у меня возникло подозрение, что добрые товарищи теперь замучают меня шуточками про корову.

– Хорош трепаться, давайте работать! – хмурясь, потребовала я.

Баринов пожал пухлыми плечиками, прошел на свое место за стойкой и постучал вилкой по бутылке, имитируя камертон.

– Ля мажор, – одобрила я и дирижерским пассом активизировала выжидательно замершего Севу.

– Озоновый слой, этот тонкий газовый щит, защищает Землю от губительного воздействия определенной доли солнечной радиации, способствуя тем самым сохранению жизни на нашей планете! – бархатным голосом, не похожим на его обычный тенорок, прогудел Полонский в мегафон.

Я спешно кашлянула в кулачок, приняла из рук Всеволода громкоговоритель и глубоким сопрано сирены, безжалостно искушающей мореплавателей, проворковала:

– Озоновый слой простирается над землей огромной шапкой, уходящей в космос! Если этот слой истощится, это будет опасно для всей биосферы, для всего живого. От попадания ультрафиолетовых лучей на человека может возникнуть рак кожи, слепота и другие заболевания.

Тут жаждущий солировать Полонский нетерпеливо вырвал у меня рупор и вдохновенно продудел:

– В восьмидесятые годы ученые сделали открытие: в районе Антарктиды общее содержание озона уменьшилось в два раза! Именно тогда появилось название «озоновая дыра». На истощение озона влияют выбросы заводов, предприятий промышленности и автомобилей.

– Мы не можем предотвратить появление озоновых дыр! – резюмировала я, вновь приняв переходящий рупор. – Однако сберечь озон хотя бы на бытовом уровне нам вполне по силам. Так давайте же бороться с загазованностью атмосферы!

И мы с Полонским вместе призывно грянули в мегафон:

– Водка «Екатериновка»! Выпьем за здоровье нашей планеты!

– Ну как тут откажешься? – принимая стопку, крикнул водитель «Москвича», с риском для жизни остановленного Катькой.

Наша секретарша приплясывала посреди дороги, точно бездомная жрица любви: в короткой юбочке, тесной курточке, сетчатых колготках и высоких сапогах на шестидюймовой шпильке. Именно этот наряд наши офисные мужчины – Полонский, Баринов и призванный на военный совет дизайнер видеомонтажа Андрюха Сушкин – коллегиально признали наиболее перспективным в смысле выполнения задачи, поставленной перед Катериной: наша секретарша должна была без разбору тормозить проезжающий мимо автотранспорт. Парни не ошиблись в расчетах, сеточки на стройных девичьих ногах ловили мужиков не хуже, чем рыбацкий невод глупых карасей. Сашка Баринов за портативной барной стойкой весь вспотел, торопясь наливать «Екатериновку» джентльменам, неосмотрительно покинувшим свои автомобили и откликнувшимся на подкупающее предложение выпить за здоровье нашей голубой планеты.

– Остался всего один ящик! – поймав мой вопросительный взгляд, обеспокоенно крикнул наш бармен.

Рекламная акция новой водки проходила с блеском, способным посрамить пустую стеклотару. Концепция, найденная лично мной и отшлифованная виртуозным рекламным трио Кузнецова – Баринов – Полонский в шесть рук, была воистину гениальной. Бронич так и сказал:

– Конгениально! Это будет новая битва при Фермопилах!

– Фермопили, пьем и будем пить, – согласился польщенный похвалой Баринов, публично афишировав свои дурные привычки и вопиющее отсутствие знаний древней истории.

Мы-то с Полонским без комментариев поняли, что шеф особо оценил место проведения нами рекламной акции. Для своего шоу мы выбрали оживленный перекресток на центральной улице, в двух кварталах от здания краевой администрации. В будний день транспорт на этом участке идет нескончаемым потоком, так что достаточно было Катьке остановить первую машину, чтобы возникла серьезная предпосылка к затору.

Правда, нам далеко не сразу попался безответственный водитель, рискнувший выпить стопку водки, находясь за рулем. Этого первого авантюриста мы с Катькой отлавливали усиленно, в четыре ноги, и я успела оглохнуть от приветственного рева клаксонов, задорного свиста и криков: «Эй, детка, садись ко мне!» Уворачиваясь от жадных рук, тянувшихся в открытые окошки к моим мелкоклетчатым ногам, я радовалась, что происходящего безобразия не видит мой штатный бойфренд Денис Кулебякин. Милый милицейский капитан очень ревнив и за одно это «садись ко мне» запросто мог бы посадить крикунов к себе, обеспечив им богатую развлекательную программу суток на пятнадцать.

Первым человеком, согласившимся продегустировать халявную водку, стал бесшабашный водитель «девятки», с большой претензией тюнингованной под гоночный болид. Недалекий парень поначалу не уловил логической связи между рюмкой водки и Днем защиты озонового слоя Земли, но инспектор патрульной машины ГИБДД, примкнувший к нашей акции по собственному почину, выдал ему необходимые объяснения сразу за перекрестком. После того как аналогичным образом были просвещены еще трое неразумных водителей, наша рекламная акция приняла характер массовой и необратимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.